

«УЧИТЕЛЬ» — «НАЧАЛО»

К воспоминаниям И. Э. Бабеля об А. М. Горьком

ВЫШЕЛ том «Литературного наследства», в котором опубликована переписка советских писателей с А. М. Горьким¹. Здесь семь писем Бабеля к Горькому и одно письмо Горького к Бабелю. Но и в письмах В. В. Вишневскому, С. Т. Григорьеву, А. А. Демидову, М. А. Слонимскому, К. А. Федину Горький неизменно сердечно отзывается о Бабеле.

«Бабель — талантлив и умен.

От этого можно многого ожидать, он заряжен туго, надолго и понимает себя. Там, где у него не хватит воображения, он умеет ловко прикрыться умом. Но и воображения у него много, а это — главная сила художника».

В марте 1928 года А. М. Горькому исполнилось шестьдесят лет. Вскоре Бабель пишет ему письмо:

«Я ничего не написал по поводу вашего юбилея, потому что чувствовал, что не сумею сделать это так, как надо. О ваших книгах и о вашей жизни у меня есть мысли, которые мне кажутся важными, но они не ясны еще, сбивчивы, противоречивы... Придет время, когда я все додумаю и смогу написать о вас книгу, я верю в это... А пока помолчу. Но все эти дни я шлю вам лучшие пожелания моего сердца, пожелания, какие только можно посылать человеку, ставшему неразлучным нашим спутником, другом, душевным судьей, примером... Мысль о вас заставляет кидаться вперед и работать изо всех сил. Ничего лучше нельзя придумать на земле».

Бабель посвящает Горькому один из лучших своих рассказов — «История моей голубятни».

А после смерти Алексея Максимовича, 27 июля 1936 года, в «Комсомольской правде» появляются воспоминания Бабеля о Горьком — «Учитель» (Беседа И. Э. Бабеля с корреспондентом). Потом с небольшими изменениями эти же воспоминания публикуются в альманахе «Год XXI» под названием «Начало». В таком виде они и вошли в его «Избранное».

Бабелю не удалось осуществить свою мечту — написать книгу о Горьком. Но какая-то часть того, что он додумал, вошла, конечно, в его воспоминания: «Учитель» — «Начало».

Я имел счастье быть тем самым корреспондентом «Комсомольской правды», с которым беседовал И. Э. Бабель об А. М. Горьком.

У КАЖДОЙ истории есть своя предыстория.

Лет за двенадцать до того, как отправиться на квартиру Бабеля, я читал его рассказы «Мой первый гусь», «Соль», «Смерть Долгушова», «Король» и другие. Они ошеломляли меня своим колоритом, наготой, романтикой, словесным напоем, всем тем, что придает им свежесть и яркость.

Я жил тогда на Украине, недалеко от родины Бабеля — Одессы, и это, конечно, усиливало впечатление от прочитанного.

Тому способствовал и героический надрыв Дмитрий Шмидт², которому Бабель посвятил рассказ «Жизнеописание Павличенки, Матвея Ро-

дионича». Шмидт находился в нашем городе: он был начальником 5-й кавалерийской школы. Комсомольская организация шефствовала над школой. Мы часто бывали у курсантов-кавалеристов, и они у нас — в комсомольском клубе. Приходил и Шмидт: он сам был молод и дружил с молодежью. Шмидт знал Бабеля и разжигал интерес к нему. Он председательствовал на наших литературных вечерах, где я читал наизусть рассказы Бабеля.

Что позже связано в моей памяти с автором «Конармии» и «Одесских рассказов»?

На одном из собраний московских писателей Бабель восторженно отзывался о книге Николая Островского «Как закалялась сталь». Для многих это было неожиданностью. Литературные снобы молчали, морщились. И вдруг — выступление Бабеля, которого те же снобы готовы были признать строжайшим ценителем. И он говорил о книге Островского как о примере, которому нужно следовать.

Потом, в Тессели, беседуя с А. М. Горьким, я сослался на мнение Бабеля об Островском и видел, как исчезла тень сомнения с его лица: он любил Бабеля.

...Все это и привело меня летом 1936 года на Воронцово поле (ныне ул. Обуха), в Большой Николо-Воробинский переулок, именно к Бабелю.

ОН ПРИНЯЛ нас (со мной была редакционная стенографистка О. Орловская) в столовой, которая размещалась рядом с его кабинетом, на первом этаже. Лестница из коридора вела в другие его комнаты. Что запомнилось из обстановки? Большой ковер под ногами. Резной, старинный черный буфет, украшенный человеческими фигурками, и низкий шкаф из такого же черного дерева. Овальный стол у дивана и два кресла. Необычный для того времени в домах москвичей торшер. Стекланный папиросный столик.

...Мы сидели за овальным столом. Из-за очков на меня смотрели иронически мудрые глаза большого коренастого человека.

— Мне очень трудно говорить о Горьком, — начал Бабель, — потому что это для меня не только явление общественного порядка, но и мое личное...

И дальше шла та самая фраза, которой начинаются опубликованные воспоминания Бабеля о Горьком:

«Лет двадцать тому назад, находясь в весьма нежном возрасте, расхаживая я по городу Санкт-Петербургу с липовым документом в кармане и — в лютую зиму — без пальто».

Говорил Бабель живо, интонацией выделяя характерную горьковскую речь. Временами он даже подражал Алексею Максимовичу и как бы по усам проводил правой рукой по губам. А временами, чтобы сосредоточиться, курил папиросу или наматывал на палец и разматывал веревочку.

Бабель рассказывал то, что стало потом содержанием «Учителя» и «Начала». Но конец в «Учителе» — не такой, как в «Начале»: он ближе к стенограмме нашей беседы. Бабель говорил о Горьком:

«Он учил меня не лгать, не восхищаться самим собой, презирать самовлюбленность. Это был человек громадной ширины диапазона. Благодаря своему образованию он мог под-

няться до высоты объективности в суждении, недоступной никому».

У меня не было двух учителей в жизни. У меня был один учитель — Горький.

В стенограмме записаны и ответы Бабеля на вопросы. Они дополняют «Начало», более полно характеризуют роль Горького в литературной судьбе Бабеля.

ВОПРОС: Правил ли Алексей Максимович ваши рукописи?

ОТВЕТ: К чести своей должен сказать, что поправок было немного. Я сам правлю себя так, что после меня даже Алексей Максимовичу нечего было делать. Он мог принимать мои рукописи или отвергать. Я помню его заветы и стараюсь быть литератором такой добросовестности, чтобы нельзя было сказать: «Они у вас поцеловались, а это не похоже на истину», или: «В девятнадцатом году такой-то полк не стоял на этом месте». Горький научил меня ни в чем не врать... У меня было много ложных литературных установок. Горький указывал на них. Какие бы хорошие чувства ни связывали его с автором, он был в таких случаях беспощаден. И я не могу не признать его правоты.

ВОПРОС: Только ли о трудностях литературного дела говорил с вами Горький при первой встрече?

ОТВЕТ: Он говорил не столько о трудностях, сколько о почетной и высокой задаче литературы. Он говорил о том, что нельзя идти по линии наименьшего сопротивления. В эти три часа великий писатель говорил с юнцом о прогрессе человеческого общества.

ВОПРОС: Делаете ли вы предварительные заготовки? Ведете ли записи?

ОТВЕТ: Нет. Я люблю сочинять...

И Бабель анализировал творческий процесс. Он состоял как бы из трех частей: во-первых, нужно хорошо знать действительную жизнь; во-вторых, нужно ее забыть; и, наконец, в-третьих, нужно ее вспомнить, осветить таким ослепительным и неожиданным светом, чтобы это и была настоящая жизнь.

Он пояснял, конкретизировал:

— Случалось, что спустя десятилетие я вспоминал какой-то жизненный случай и расписывал его своей фантазией. Я придумывал фамилии действующих лиц. Но, как потом убеждался, даже эти фамилии были подлинными.

Я не верю в чисто «физиологическую способность» писания. Эта «способность» должна делаться своими колесами с эпохой, с ее философией, поэзией, с ее силой и мужеством...

Его беспокоило то, что «нами создано много фальшивых ценностей». И он говорил о вреде рекламирования плохих янги:

— Но я не впадаю в пессимизм... С ростом коммунистического племени все встанет на свое место.

Под конец речь зашла о нашей странице «Литературная жизнь». Бабель обещал участвовать в ней:

— Я готов печатать там рассказы, которые и будут моими критическими статьями.

...Через три дня Бабель уезжал в родную Одессу. До отъезда он прочел, выправил и подписал подготовленный нами текст беседы.

Так появились воспоминания И. Э. Бабеля об А. М. Горьком: «Учитель» — «Начало».

С. ТРЕГУБ

¹ М. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. Изд-во Академии наук СССР. М. 1963.

² Его живой образ — в воспоминаниях И. Дубинского «В строю червонных казаков» («Новый мир», № 2, 1959). Д. Шмидт, как и Бабель, погиб в годы культа личности Сталина.

Лит. Россия, 1964, 13 марта, № 11